

— Неужели с помутившимся от жара рассудком можно поступить в наш университет? — изумился Гэ Лян.

Линь У серьезно посмотрел ему в глаза:

— Сам понимаешь.

Гэ Лян промолчал.

Куда уж ему, двоечнику, который учился лишь немногим лучше Ван Е, такое понять!

С земли поднимались сумерки. Ослепительно белый снег стал мягче, окрашиваясь в теплые тона угасающего дня. Гэ Лян, казалось, обладал неиссякаемым запасом энергии. Заметив, что скоро совсем стемнеет, он поспешил воспользоваться последними лучами заходящего солнца и принялся весело резвиться на снегу.

— Тебе уже не холодно? — поддразнил его Линь У. — А в машине кто кричал и плакал, требуя закрыть окно?

Гэ Лян с гордым видом поднял лицо от снега:

— Тогда я еще считал себя человеком, а сейчас все иначе!

— То есть теперь ты окончательно превратился в хаски? — спросил Линь У.

— Пожалуйста, используй мое научное название — сибирский хаски, — отозвался Гэ Лян.

Последние лучи солнца угасли, и на землю опустилась ночная тьма.

Линь У, проваливаясь в глубокий снег, побрел обратно к кривому дереву. Ван Е лениво лежал в открытом внедорожнике: и двери, и окна были распахнуты настежь. Спинка водительского сиденья была откинута. Закинув руки за голову, он лежал с полуприкрытыми глазами — то ли смотрел на ночное небо, то ли дремал.

Услышав хруст снега, Ван Е неторопливо повернул голову:

— Набесились?

Семейству кошачьих не понять кипучую энергию псовых.

Когда дело доходило до игр:

Псовые (спустя час): «Продолжаем! Веселимся!»

Кошачьи (спустя десять минут): «Скукотища, пойду посплю».

— И кто из нас еще сумасшедший... — пробормотал Линь У и решительно закрыл дверцу машины. Облокотившись на оконную раму, он искренне поинтересовался: — Приятель, и какая разница между этим и лежанием прямо на снегу?

— Сиденье мягче, — ответил Ван Е после некоторого размышления.

Линь У лишился дара речи. Разве дело в жесткости сиденья?!

— Я тут бегал вовсю, и то замерз. А ты лежишь без движения. Торопишься превратиться в ледышку?

Ван Е наконец приподнялся, тоже оперся о край окна и оказался лицом к лицу с Линь У:

— Ты ничего не забыл?

Линь У недоуменно приподнял брови.

— Я амурский тигр, — напомнил Ван Е.

Линь У промолчал.

Амурский тигр, он же сибирский тигр.

Вдали резвился неугомонный сибирский хаски.

Вблизи в ледяном ветру дремал сибирский тигр.

А он сам — джунглевый волк.

...Его морозостойкость ни в какое сравнение не шла с их показателями!

Смирившись с судьбой, Линь У забрался на пассажирское сиденье и без колебаний захлопнул за собой дверь. Особого тепла это не прибавило, но хоть немного защищало от ветра.

Ван Е покосился на него, перекинул длинные ноги и вышел из машины.

Линь У наблюдал, как тот обошел внедорожник кругом, закрывая все двери, а затем вернулся в салон, поднял все стекла, завел двигатель и включил обогреватель, выставив режим внешней циркуляции для притока свежего воздуха.

«Все-таки есть у тебя совесть».

— Спасибо, — Линь У тоже откинул спинку кресла и с комфортом устроился на ней.

Теплый воздух постепенно разогнал холод в салоне, и Линь У наконец полностью расслабился.

Загородное ночное небо казалось бескрайним и кристально чистым, а луна была невероятно красивой, словно на нее только что тоже выпал снег.

Вдали Гэ Лян упорно карабкался на огромный валун — судя по всему, собирался утолить свою волчью тоску и завывать на луну.

В машине царила тишина, нарушаемая лишь тихим гулом печки и рокотом мотора.

Линь У не смотрел на Ван Е, но знал, что тот не спит.

На душе у него было на редкость спокойно.

Линь У давно не чувствовал себя так свободно и умиротворенно. Казалось, все проблемы отступили на задний план, а любыми, даже самыми сокровенными тайнами можно поделиться без оглядки.

Может, дело было в слишком красивой луне.

А может, в Ван Е, который внушал странное чувство надежности.

— Днем я обедал с отцом, — негромко заговорил Линь У, легко, будто просто болтал о пустяках. — А вчера в обед виделся с мамой. Два дня подряд в одном и том же ресторане. Я даже подумал, не сговорились ли они...

Услышав это, Ван Е повернул голову и заметил, что Линь У смотрит не на него, а в небо.

В его глазах тускло отражался лунный свет.

— На самом деле мне хотелось бы, чтобы они сговорились, — уголки губ Линь У горько приподнялись. — Они развелись много лет назад...

— Мне тогда было шесть. Они думали, раз я маленький, то ничего не запомню. Но я помню все до мельчайших подробностей. Именно в том ресторане они сказали мне, что папа и мама больше не могут быть вместе, но они оба меня любят...

— Я тогда закатил страшную истерику. Я не понимал, что значит «не могут быть вместе». Знал только, что случилось что-то ужасное. Но я ни на секунду не сомневался в их словах о том, что они меня любят...

На этих словах Линь У усмехнулся, словно потешаясь над наивностью и глупостью маленького себя.

— А потом они завели новые семьи, и я оказался никому не нужен. Стал жить с бабушкой, играть с ее младшим сыном, моим дядей. Потом дядя поступил в университет, я пошел в среднюю школу и переехал в общежитие...

— Средняя школа, старшая, потом университет, — Линь У глубоко вздохнул и медленно выдохнул. — И вот я здесь.

Это был первый раз, когда Линь У делился этим с кем-то.

Он чувствовал, что на этом пора остановиться. Откровенничать дальше было неловко, да и не хотелось обременять внимательного слушателя своими проблемами.

Но в следующий миг он повернулся и посмотрел на Ван Е.

Ван Е уже лежал на боку, пристально глядя на него. На лице тигра не было никаких эмоций: ни грусти, ни жалости. Он просто слушал чужую историю. Говоришь — слушает, замолчишь — примет как есть.

Словно поддавшись какому-то порыву, Линь У продолжил:

— На самом деле мне нужно было совсем немного. Пусть разводятся, строят новые семьи... Мне хотелось лишь капли заботы и внимания. Просто знать, что обо мне не забыли, что в их сердцах все еще есть место для меня...

— Но как бы усердно я ни учился, какие бы отличные оценки ни получал...

Голос Линь У затих, опустившись до самого дорожного гравия:

— Я все равно им не нужен.

Рассказ закончился. Ван Е подождал немного и, убедившись, что продолжения не будет, наконец выдал:

— Оу.

Тепло, едва успевшее подступить к глазам Линь У, мгновенно улетучилось. Он уставился на Ван Е:

— И это все? Просто «оу»?

— А что еще? — спросил Ван Е.

— По логике вещей, ты должен был хоть как-то меня утешить!

— Если ты сам с этим не разберешься, никакие чужие утешения не помогут.

— ... — Линь У вздохнул. Логично, конечно, но правила приличия между друзьями никто не отменял! — Ты... Апчихи!

Ван Е наконец нахмурился:

— Печка же работает.

— Я тебе не сибирский волк, — буркнул Линь У, потирая нос.

Ван Е не скрывал своего пренебрежения:

— Для волка у тебя слишком слабая морозостойкость.

Линь У промолчал.

В беде не поможет, зато соль на рану сыпать горазд. Тоже мне друг называется!

Вдруг сверху прилетела теплая куртка, полностью накрыв Линь У с головой.

Кое-как выпутавшись из плотной ткани, Линь У услышал недовольный голос Ван Е:

— Ладно уж. С этого дня я буду тебя опекать.

Линь У замер. В общезнании 333 он всегда заботился о других, и это был первый раз, когда кто-то предложил опекать его самого.

— И как именно ты будешь меня опекать? — любопытствовал Линь У, чувствуя, как в груди рождается какое-то странное, неопределенное чувство.

Ван Е ответил как само собой разумеющееся:

— Будешь кого-то задирать — поддержу. Если тебя кто обидит — начищу ему морду.

— ...А можно без насилия? — спросил Линь У.

На лице Ван Е отразилось выражение вроде «и как тебе только хватает наглости нос воротить от столь щедрого предложения?», но он все же снизошел до размышлений и выдал нечто далекое от рукоприкладства:

— Если заскучаешь, покатаю на машине. Будет грустно — позови смотреть на луну. Идет?

Линь У долго и ошеломленно смотрел на него.

Затем он резко выпрямился, плотнее закутался в куртку Ван Е и с предельной серьезностью ответил:

— Тогда я составлю для тебя план учебы! Гарантирую, за один семестр ты перестанешь отставать, а за два — выбьешься в отличники!

Ван Е теперь прекрасно понимал чувства Линь У пару минут назад:

— А можно что-нибудь, не связанное с учебой?

В воздухе повисла неловкая тишина.

Линь У изо всех сил напруг извилины, думал-думал, но в итоге сдался:

— Честно говоря, больше ничего нет.

— Ладно, так и быть, побуду в убытке, — Ван Е тоже сел и опустил свою большую, теплую и сильную ладонь на голову Линь У. — Кто же, если не я, будет тебя опекать?

Линь У глуповато заулыбался. На душе было хорошо, так что бог с ней, с этой загребущей лапой на макушке, пусть гладит.

Спустя две минуты:

— Эй, хорош уже! Ты меня реально за волка держишь и тискаешь?!

Праздник весны был уже не за горами.

<http://bllate.org/book/18288/1753638>